

ВЛАДИМИР БАЛАЧАН

мен.
ЛЫНЬ

В. БАЛАЧАН

ТЕПЛЫНЬ

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ

ВЛАДИМИР БАЛАЧАН

ТЕПЛЫНЬ

Саше
Стеланову
на добрую память
с надеждой
поэтического
будущего.
Род. Алексеев
20/11 - 1970 год
а. Кудряшова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ● НОВОСИБИРСК ● 1969

P2
B20

7-4-2
61 M 70

Автор этой книжки — человек сельский, хотя живет он сейчас в небольшом городе Куйбышеве Новосибирской области: современная сибирская деревня, крестьянский труд, неброская, но своеобразная природа степной Барабы — вот истоки его поэзии, которым он верен с подлинным постоянством.

Автор этой вступительной заметки — потомственный горожанин. Правомерно ли в таком случае, что именно он «представляет» читателю первую книжку стихов Владимира Балачана?

Думается, в таком единичном отступлении от принятой доброй традиции нет ничего противопоставленного. В конце концов, поэзия — всегда поэзия, а писать «о деревне» — вовсе не значит писать только «для деревни». Владимир Балачан умеет рассказать о своем мире, о людях, его населяющих, так, что этот рассказ не безразличен всем, в том числе и людям много социального опыта.

У меня вызывают глубокий интерес и уважение люди, о которых (и от лица которых) говорит молодой поэт. У них простые, но твердые моральные принципы: они «сторонятся» самого ладного дома в селе, потому что этот дом вырос на худых дрожжах, в годы войны, когда в большинстве своем народ «трудно жил и плохо». Они обладают прекрасным, здоровым чувством юмора, в том числе и по отношению к самим себе — достаточно вспомнить, как отводит в работе душу герой одного из стихотворений, поссорившийся с женой:

Слава богу, что умею
Лес рубить!
Хоть в этом прав!

Они тонко чувствуют природу и не менее тонко — тепло человеческого общения: погостевали на поляне у старика-лесника пролетные тетерева — и осталось такое ощущение, «будто был в гостях знакомый и оставил табак...»

Я называю только отдельные «находки» поэта. В книжке их много. Владимир Балачан приходит в поэзию не юношей, а зрелым человеком, со своим сложившимся взглядом на мир. Он пишет давно, и его литературная судьба — пример того, что и бесспорное поэтическое дарование не всегда проявляет себя сразу, в самых первых «пробах». Потребовались годы поисков и учебы, чтобы найти свой путь, овладеть началами мастерства. Не все стихи в этой первой книжке одинаково удачны. Но, думается, познакомившись с ней в целом, читатель присоединится к той высокой оценке, которую получило творчество Владимира Балачана на Пятом Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве.

Илья Фонаков.

ЛЕСНИК

Ходят вьюги
И метели
И качают деревья.
Прилетели,
Посидели
Под окном тетерева.
Посидели,
Помолчали,
Не сказали ни о чем.
Полетели,
Помахали
Деду Федору крылом.
И светлее
Стало в доме,
И приятно старику,
Точно был в гостях
Знакомый
И оставил табаку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Горели серо дни
И монотонно
В холодном жгучем
Пламени осин.
На весь колхоз —
Разбитая трехтонка,
На пять дворов —
Копытный «лимузин».

А молотба!
А в поле —
Вспашка зяби!
Но захудало
Конное тягло.
А две вдовы
Истошно и озябло
Его ругают
Аж на все село.

А вдоль деревни,
Крепко сдвинув
Брови,
Чуть-чуть бодрясь,
Гоня усталость,
Сам

Он сено вез
На собственной корове
Колхозным
Потощавшим лошадям.

Потом едва-едва
Управясь с возом,
Заткнув сухой
Ржаной краюхой рот,
Он снаряжал
Колхозные обозы
С пимами и пшеницею
На фронт.

Кричал кому-то:
— Эй, поторопись-ка!
— Смотри, к возам
Коров не подпусти!
— Иван Петрович,
Там на почте письма,
Ты слышишь, письма,
Письма захвати.

И пожурив
Мальчишку-водовоза,
Что бросил бочку
В колке, у ключа,
Он шел домой
Кургузый и серьезный,
Единственную ногу
Волоча.

И, похлебавши
Постных щей не вдоволь,

Соображал он,
Глядя на огни,
Как сделать так,
Чтобы сиротам,
Вдовам,
Пораньше выдать
Хлеб на трудодни.

БОРОНИ, БОРОНА

Распласталась пашня ровно,
Воронным-ворона...
Ну, шагай, моя корова,
Борони, борона!

Борони за дедом следом —
Дед бросает семена.
Будем жить — коль будем с хлебом...
Борони, борона!

Одари, земля, за беды
И за труд воздай сполна.
В нашем хлебе — часть победы.
Борони, борона!

Далеко, в краю суровом,
Третий год идет война.
Ну, шагай, моя корова,
Борони, борона!

Ну, шагай, а вечер зябко
Притаился у гумна.
Ждет с ведром тебя хозяйка...
Борони, борона!

Встретит ласково и снимет
Шворку жесткую она.

И пустое тронет вымя...
Борони, борона!

И заплачет горько, громко.
Дети — скопом у окна.
...Ну, шагай, моя буренка,
Борони, борона!

ВДОВЫ

Столы накрыты. Вдоволь
Закусок и вина.
Гуляют нынче вдовы,
Все вместе, как одна.
Как в юности ходили
В колхозный огород.
Любили.
Проводили.
Простились у ворот.
Потом снопы вязали,
И варежки вязали,
И все это возами —
На фронт, на фронт, на фронт...
Гуляют вместе вдовы.
А в песнях грусть и зык.
И матерятся вдоволь,
И пляшут «под язык».
И пьют вино.
И водка —
По маленькой на круг.
Поют: «Ой! Где залетка —
Мой закадычный друг?
Мой суженый, мой сокол,
Ты честно шел и жил.
В каком краю далеко
Ты голову сложил?»

А половицы — с хрустом,
И держатся едва...
В любом селенье русском
Четвертая — вдова.
Гуляют вдовы вместе:
Так легче петь и пить...
Чтоб вдруг не разреветься,
Чтоб в голос не завывать.

* * *

Было так в тяжелый год,
Было так в военный год:
Пастуха кормил по очереди
Деревенский наш народ.
Дед придет
И сядет чинно
По середочке скамьи,
Как положено мужчине,
Словно равный член семьи.
Он хозяев не осудит,
Сам ведь — не из богачей,
Знает, чем щедрее люди,
Тем похлебка горячей.
В ложке редкие крупинки —
Небогатые супы.
Но зато у глаз морщинки
Будто вяжутся в снопы.
Он еду хлебает споро,
Думы думает свои,
Не вставая в разговоры
Наболевшие
Семьи.
Пот со лба стирает шапкой,
Отвернувшись от стола.
— И моя сготовить жарко
Мастерицею была.

Неуклюжий и покорный
Оставляет избу дед...
Завтра дедушку покормит
Дядя Федя — наш сосед.

Печь-лежаночка гудела в нашей
комнатке,
Блики красные летали по стене,
Как Чапаева
Взаправдашние конники,
Сам Чапаев — на переднем скакуне.
А когда дрова заметно прогорали,
Тени черные со всех углов ползли
Будто красные без боя отступали,
А враги их наступление вели.
Я срывал пальто,
Бежал в сарай без памяти,
На ходу засунув руки в рукава,
Через снежные и закрути, и замяти..
В печку русскую подбрасывал дрова.
Снова красным озарялась наша
комната.
Наступленье начиналось на стене:
И рвались вперед чапаевские конники,
Сам Чапаев на переднем скакуне.

ДОМ

Дом как дом,
Кровать и стол:
Все здесь честь по чести.
Дом — каких видал ты
Сто,
Или даже —
Двести.
Мебель
Под «вяз»,
Под «дуб» —
Нет всему
Износу.
Только в дом тот
Не пойду,
Пусть хоть —
Кровь из носа.
Дом — красавец
На земле.
На него б
Равняться,
Но его
У нас в селе
Как-то сторонятся.
Говорят:
В войну народ
Трудно жил

И плохо...
Ну, а кто, наоборот, —
Дом себе
Отгрохал.

* * *

С братом мы
Зимой и летом
Ходим вместе,
Спим — валетом.
Одного гнезда
Птенцы,
Только разные отцы.
Я от Митрия —
Солдата,
Он —
От Гришки — кузнеца.
У меня
Да и у брата
Нет в живых теперь
Отца.
Мы — живем.
И в этом счастье.
В этом счастье
И беда.
С братом
Ссоримся мы часто
И деремся иногда.
Только бабка
Тушит лампу,
А сыр-бор
Уже горит.

— Ты меня давай
Не лапай, —
Мне братишка говорит.
— Но и ты давай
Не шибко —
Я такого не стерплю!
Может, даже по ошибке
Оплеуху залеплю.
Бабка стонет:
— Оградите!..
Но придет с работы
Мать —
Наш единственный родитель —
Нас не надо унимать.
Мы идем за мамой
Следом.
Снова вместе
Спим — валетом.

* * *

Приходил деда,
Приходил утром.
Приносил сайку,
Отдавал внуку.
Говорил деда:
— Шла лиса лесом
В золотой шубке...
Отгадай, ну-ка!
Набивал деда
Табакком трубку
И курил долго,
В огород глядя.
Приглашал деда
На крыльцо кошку
И рукой тихо
По спине гладил.
Не любил деда
Ночевать дома.
Надевал шубу,
Сапоги, шапку.
Уходил деда.
Уходил молча.
Далеко в поле
Тяжело.
Шатко...

ЗАВИСТЬ

Заломив пилотки
На затылок,
В жаркий полдень
Около плетня
Рубит смело
Прутьями из тына
Наповал
Крапиву
Ребятня.
В небе солнце яркое
Лучится,
Облака в реке
Отражены.
Конницей
Ребят ватага мчится,
По колени
Закатав штаны.
День
Ребятней радостью
Наполнен.
Им всегда
Завидую до слез,
Потому что
Я отца не помню —
Мне отец пилотки
Не принес...

БЛИНЫ

Маме

Маме слава и почет —
Мама блинчики печет.
Первый блин обычно комом.
Первый блин у нас — не в счет.

Ма блины умеет печь.
Растопляет рано печь,
Только загодя дровами
Да сухими обеспечить.
Ма старается весьма,
Управляется сама.
На семи на сковородках
Печь блины — сойдешь с ума.
Ма сумела и смогла,
Ни блиночка не сожгла,
Накормить, как прежде, первым
Нужным старшего сочла.
Старший в доме сеновоз.
Вот поест и — на мороз.
Ешь плотнее, чтоб полнее
Под бастрик нагрохать воз.
Ма старается весьма,
Блин кладет на стол сама...
Треугольничком военного
Отцовского письма.

Мама плачет по ночам —
Это видно по очам...
Ставит в печку сковородку,
С боку на бок покачав.
А другую помазком,
Как по снегу полозком,
А по третьей катит тесто
Во все стороны ползком.
А шестую — на шесток.
Блин, как солнце, — на все сто.
— Ну, садитесь, бесенята, —
Ма командует, — за стол!

Маме слава и почет.
Мама блинчики печет.
И по нашим пальцам масло
К рукавам уже течет.

СНЕГИРИ

Сорок с гаком — мороз.
Вот зима, так зима!
И прижались к земле
Поплотнее дома.
По сугробам течет
Алый росплеск зари.
Будто солнца,
Восходят
В саду снегири.
Вот их пять,
Вот их шесть...
Вот одиннадцать солнц.
Все под крылышки
Бережно
Спрятали сон.
И сидят,
Вызывающе
Выставив хвост.
Им зима — не зима.
Им мороз — не мороз.

УТРО

За деревней дымокуры
Затоптали пастухи.
Не кудахчут куры-дуры,
Не горланят петухи.
Не восходит долго солнце.
Задержалось ли в пути?
Может, думает спросонья:
Не всходить или взойти?
Горлопаны-раноставы
Заспались на седале.
И не скрипнут наши ставни,
И молчат соседовы.

* * *

Не траву кошу,
Не дрова рублю —
Я печаль ношу,
Я себя гублю.
Я себя гублю,
Горе мыкаю —
Я тебя люблю,
Настя Зыкова.
Настя-Настенька —
Русы локоны,
С голубой в глазах
Поволокою.
Грудь высокая
В нежном трепете.
Брови-соколы,
Руки — лебеди.
Настя-Настенька,
Настя Зыкова,
Я тебя люблю —
Горе мыкаю.
За оградами —
Огородами
Ходят девушки
Хороводами.
А на лавочке,
А на лавочке —

Балалаечник
С балалаечкой.
А над озером,
А над озимью
Светят озари
Спелой осени.
Я пойду, пойду
К твоему отцу
Не с обидою —
С челобитною.
Я скажу, скажу
Твоему отцу:
— Не губи красу —
Красну девицу.
Отвори-открой
Двери горенки,
Не зарой с зарей
Песню горлинки.
Не траву кошу,
Не дрова рублю —
Я печаль ношу,
Я тебя люблю.

* * *

На печи грохочет чайник,
В окна пялится рассвет.
Не напрасно, не случайно
До зари пришел сосед.
И коса стоит за печкой —
Хоть сейчас ее бери.
И заждался на крылечке
Дед, махорки закулив.
И роса крупней гороха
С клена падает, звеня.
И какая-то морока
Огорошила меня.
Не пойду я с дедом вместе,
В чащу леса заберусь...
Я ходил к тебе за песней,
А принес немую грусть.

ПРИШЛА БЕДА

Пришла беда. А поделиться не с кем.
И сердце разрывает тишина.
И за окном течет холодным блеском
Большая равнодушная луна.
Пришла беда, и — некому поведать —
Я с ней в пустой избе наедине.
О, как мы плохо знаем наши беды,
Пока они толпятся в стороне.
Но вот пришла и поразила сердце.
Ее в окошко выбросить нельзя.
И нет руки твоей, чтоб опереться,
И, как на грех, разъехались друзья.
А за окном, по кромке горизонта
Березы тянут рыжую зарю.
Уходит ночь. Беда... Какой уж сон там.
Пойду, наверно, в поле... покурю.

* * *

Телега хвостом хрустела,
Лошадка добрая везла.
И птица лодочкой летела,
И два крыла, как два весла.
А ребятам легко и просто
Сидеть на хворосте верхом.
А солнце плыло над березкой
Кудлатым красным петухом.
И колокольчик колотушкой
Звенел залиvisto во ржи.
И где-то вещая кукушка
Благословляла долго жить.

* * *

По степи гуляют сквозняки.
На сквозном ветру березняки.

От холодной пасмурной земли
Улетают к югу журавли,

Чтоб весной вернуться на гнездовья.
Взмах крыла упругий и раздольный.

В этот день, раздумчивый и грустный
Вырубают женщины капусту.

От деревни в десяти шагах
Остывает солнце на стогах.

Кто-то взял охотничье ружье,
За деревню вышел, на жнивье.

На дворе прощальная пора.
Птица к людям в эти дни добра.

Не за ради шутки или смеха
Прокатилось за деревней эхо...

В тишине барахтаясь и тая,
От крыла перо летит за стаяй.

• • •

Ветки голые впросинь
Да промозглая хмарь.
Расщеперилась осень,
Как на ветке глухарь.
У ограды фургоны —
Оглобли вразброс.
Опустели пригоны.
Ворота — вперекос.
В небе тучи застыли,
Громко гуси кричат.
В огородах будылья
Сиротливо торчат.
Непонятный и серый
Ползет горизонт.
Глохнет дедово сердце,
Как старый «Фордзон».

* * *

Ночью полю одиноко —
Бесконечно серый холст.
Высоко горят, высоко
Золотые горсти звезд.
Одиноко с глазу на глаз
Говорить с самим собой.
Только филин зло и нагло
Пролетит над головой.
И деревья бестолково
Станут ветками качать
Да заблудшая корова
Будет горестно мычать.
И на сердце просветлится,
Когда мокрая от рос
Бросится на грудь пшеница,
Как соскучившийся пес.

РУССКИЕ ЗОРИ

Поле тихое, озеро тихое.
Солнце катится за село.
Заывает гусиха дикая
Гусенят своих под крыло.
Несмышленыши, бестолковые,
Пусть вам добрые снятся сны.
Где-то лошади быют подковами,
Жеребцы табунят табуны.
Легким сумраком занавешаны,
Смотрят в озеро тальники.
Здесь рубахи стирают женщины
И купаются мужики.
Над селом, над полями росными,
Где пастух свое стадо пасет,
Млечный путь—коромысло звездное—
Две озерных зари несет.

中 華 書

Сегодня юность — у меня.
Я унесу девчонку в лето,
В покои леса и полей
До петушиного рассвета,
До переклички косарей.

НА РЫБАЛКЕ

Рыбу удили
На Иман-реке.
Тут — ни удали,
Ни романтики.
Рыба чок-молчок,
Знать, дотошная.
Не берет крючок —
Осторожная.
На речной волне
Зорька плавится.
Видно, там, на дне,
Рыбе нравится.
Сердце екало,
Сердце токало.
Рыба — около.
Видно — кто кого!
Как наудили,
Собрались друзья.
Тут об удали
Не сказать нельзя.
Ночь светла-тиха,
Да костер еще.
В котелке — уха.
Водка в торбочке.

* * *

Нас трясло.
Как в лихорадке.
В дрожках.
Разговоры смолкли
Про дела:
Шла девчонка
Рядом, по дорожке.
Очень гордо
Голову несла.
Все мы разом
Бросили окурки.
Все мы стали —
Козыри-тузы:
Застегнули
Масляные куртки,
Набекрень
Надели картузы.
И уселись
Чинно-благородно,
А девчонка
Шла себе и шла.
Мы сказали дружно:
— Не угодно ль
С нами прокатиться
До села?..

Может, слишком
Тряски наши дроги,
Может,
Говорили не на «Вы»...
Но она
Прошла своей дорогой
И не повернула
Головы.

* * *

Поеду, съезжу в лес.
Загороджу ограду,
Сооружу навес
От снега и от града.
В ограде подмету.
Примерно в эту среду
Осуществлю мечту —
Наведаюсь к соседу.
Не молод и не сед,
Он — мастер по гармошкам.
Потом через кювет
Я настелю дорожку.
И ножки заменю
У старого дивана.
В курятник загоню
Я петьку-горлопана.
Пускай не мутит свет,
Пускай поет с насеста.
Схожу куплю конфет
И
Приведу невесту.

ЛЮБКА

Привяжу у плетня
Молодого коня
И ушанку сорву
У порога.
— Хватит, Любка, —
Скажу, —
Выходи за меня,
Жизнь — не жизнь без тебя,
А морока.
Собирай в узелок
Все пожитки свои.
А богатство —
Два платья да кофта.
Пусть сегодня
И впредь
Нам поют соловьи,
И не думай ты больше
О ком-то.
Не горюй, моя мать,
Не ругай сгоряча,
Заживем припеваючи
Сами.
Руки есть, ноги есть,
Голова на плечах..
Уж сведем мы концы-то
С концами.

«Бог да добрые люди,
Любовь да совет!» —
Как всегда
Говорится в народе.
— Отвечай, — скажу, —
Любка, мне, —
«Да» или «Нет» —
Я стою
На крутом повороте.
Я отказа, — скажу ей, —
Никак не стерплю,
И сегодня,
Постольку поскольку
Я одну тебя в мире
Всем сердцем люблю,
Выходи за меня —
Да и только.

* * *

В шайке плавает чернилка,
В печку брошена тетрадь.
Все на свете очернила.
Больше — нечего терять.
Закурил махорки с горя,
В лес шагаю поутру.
Женщин этой категории
Никак не разберу.
Топором стучу по бревнам
И насвистываю зло.
Может быть, что я —
Не ровня?
Может, мне не повезло?
По опушке брызжет щепка,
Зубоскалит рыжий пенъ.
Очень цепко, как прищепка,
К рукаву прилип репей.
От работы сатанею
Посреди лесов и трав.
...Слава богу,
Что умею
Лес рубить.
Хоть в этом прав!

ДЕД

Ивану Захаровичу Бухтиярову

Крякнул дед,
Годами стар,
Не спеша
Пошел в амбар.
— Растуды-т-твою
Туды —
Годы, знать,
Не молоды.
Долго шарил
По амбару
В черепушках,
В хламе старом,
Из амбара
На весу
Вынес
Старую косу.
Шевеля
Руками
Скоро,
Молотком
Работал
Споро
И, орудуя молчком,
Долго вжикал
Оселком.

Головой потряхнул —
Доволен.
Зашагал с косою
В поле.
— Ты куда? —
Кричит сосед.
— На покос! —
Ответил дед, —
От тоски меня
Свело,
Будто вымерло село.
Я иду работать,
То есть —
Кой-кого
Заткнуть за пояс...
За кустами, как оса.
День-деньской
Звенит коса.
Взмах — копна,
Другой — скирда.
Дед забыл
И про года.
Только лысина
Сверкает
Да трясется
Борода.
Председатель
Говорит:
— Ты с ума сошел,
Старик.
Отвечает ему дед:
— Виноват —
Не усидел.
Захотелось мне,
Чуть-чуть

Стариной своей
Тряхнуть.
Крякнул дед —
Годами стар.
Замахнулся
На гектар.
Взмах — копна,
Другой — скирда.
Дед забыл
И про года,
Только лысина
Сверкает
Да трясется
Борода.

СТОРОЖ

Ночью
Чин-чинарем
Ходит сторож
С фонарем.
Конный двор.
Семь кобыл,
Поведами —
За столбы.
Пять саней,
Три дуги.

В дуги те
Хоть дуди —
Стал скучней
С годами труд
И неинтересней.
Воры что-то
Не идут.
Не идут —
Хоть тресни.
Опустело в груди.
А куда же денешься?
Взад-вперед
Ходи, ходи —
Получаешь
Денежки.

Рассердился шибко дед
На правление.
И принес в контору дед
Заявление:
«Я понять прошу меня —
Жить не весело.
Спроводить прошу меня..
Эх!
На пенсию».

ИВАН ПЕТРОВ

Когда — ни дела, ни забот,
Иван Петров гуляет:
И водку пьет, и бабу бьет,
И дурака валяет.
Он по селу идет — гора.
Он скажет — громче грома.
И ест, и пьет по полведра —
Такой он большекромый.
Гроза собак и детворы —
Иван, когда напьется.
Но это только до поры,
До времени ведется.
Когда сатиновый карман
Очистится от денег,
Тогда возьмет Петров Иван
И сапоги наденет.
Засунет руки в рукава,
Ушанку нахлобучит,
Чтоб не болела голова,
Поест на всякий случай.

И вот уже кому-то дом,
Кому-то хлев мастрячит.
И машет, машет топором,
Беселый и бодрячий.

БОГ

Дед Макар
Бот так сказал:
— Видел бога
Сам,
В глаза.
Волос белый
Реденький,
В голубом беретике.
Я сидел,
Разинув рот,
Думал:
«Дед, конечно,
Врет».
Но к двенадцати часам
Я пошел к излуке сам.
Схоронившись в тальники,
Жду свиданья у реки.
Вдруг раздался
Страшный гром —
Задрожало все кругом.
Что за чудо-чудеса —
Ярко светятся глаза.
Думаю:
«Уж так-то ли? —
Ездит бог
На тракторе».

Ну, а бог —
С подножки скок,
Сапогом
Задел сапог,
Скинул левый,
Скинул правый,
Снял рубаху,
Бросил в травы
И остался —
Вот дела! —
В чем мамаша
Родила.
Весь в мякине,
И мазуте,
И лицо
Черней чернил.
Не на бога,
А, по сути,
Он на черта
Походил.
Отведя рукою листья,
Я на цыпочки привстал,
В нем Серегу-тракториста
Я немедленно узнал.
И подвел тогда итог:
На земле
Серёга — бог.

ПРО КИРЮ

Сел Кирюша на кадушку,
Кулаком протер глаза.
Где-то квакала лягушка
И чирикал воробей.
В огородах пели бабы,
Бабы пели на лугах.
«На худой конец, хотя бы
Перерывы делали».
Рядом кузница гремела
Молотками, как назло.
И пока там суть да дело...
«Мать обедать не зовет».

А под вечер руки — в брюки,
Ходит Киря по дворам.
Не возьмут ли на поруки?
Не поставят ли сто грамм?

ПАМЯТНИК

За деревней,
У дорожки,
Где красивые места,
Двухметровую гармошку
Ставим мы
На пьедестал.
Мех — в растяжку,
Малость — крена,
Будто нес ее
В руках
Первый парень
На деревне —
Вся рубаха
В петухах.
Вышел памятник
Недурно
Возле старых
Тополей —
В знак развития
Культуры
И искусства на селе.

* * *

Не гордятся нынче нашим краем.
Не гордятся — и не мудрено.
Мы здесь, как в дороге, проживаем —
Вся культура:
Карты, домино.

В магазине нашем
Рядом с книжкой
Место предоставлено вину —
Покупай на выбор.
А клубишко —
В пору раскатать бы по бревну.

Но не в этом суть:
Ломать — не строить, —
Строить тяжелее.
Наконец! —
Этот клуб из старой церкви скроен.
А коровам —
Каменный дворец!

И уходит в город сельский житель,
Рук не приложив своих к земле,
Оставляя отчую обитель,
Забывая о родном селе.

Жизнь идет.

Снега — на смену росам.

И кривая улица села

Неизменно, словно знак вопроса,

На Высокой Гриве пролегла.

ПОРА

Пора построить новый дом,
Предать забвенью старый.
Мне мама каждый день о том
И говорить устала.
Поставлю окнами в рассвет,
Придумаю застреху.
Построю дом, сомненья нет,
Но не сейчас — не к спеху.

Пора себя определить —
Судьбу поставить на кон.
Все время в пахарях ходить
Невесело, однако.
А кто же будет, как не я,
Пахать
И сеять жито!
Покинуть отчие края,
Где столько пережито?!

Пора, однако, спать. Пора!
Вставать придется рано...
И остывают трактора
У полевого стана.

ДЕДУШКА И ВНУЧКА

Пишут деду Панкрату письма
Пионеры из разных школ:
«Дед Панкрат, расскажи о жизни,
Как ты дрался в боях с Колчаком».
А в конце — приглашают в гости:
«Приезжай, будем встречи ждать!»
...Дед Панкрат не учился вовсе,
Не умеет читать и писать.
И толкует он внучке Свете:
— Расскажи ты моим друзьям,
Напиши им: «Спасибо, дети,
Как поправлюсь — приеду сам».
Внучка Света любила куклы,
Но когда говорил ей дед,
Выводила каракули-буквы,
Составляя из них ответ...
Умер дед в середине лета.
Опустела в саду скамья.
Получает конверты Света:
Пишут дедушкины друзья.
Внучка письма читает эти
Только удержу нет слезам.
Отвечает: «Спасибо, дети,
Как поправлюсь — приеду сам».

ПЛЕТЕНЬ

Г. Абольяшину

Начиная рано утром,
Плел старик который день,
Прут заламывая круто,
В часту елочку плетень.
Крепко, ладно да красиво.
Труд хотя и невелик,
Не жалел, однако, силы
И умения старик.
Проплетет в один конец,
Проплетет в другой конец,
Об траву ладони вытрет,
Скажет:
— Ай да молодец!
Зачерпнет он квасу кружкой,
Выпьет,
Пот смахнет с чела,
Поколотит колотушкой
Возле каждого кола.
Дело делает он с толком
И не думает пока,
Что помрет, а люди долго
Будут помнить старика.

БЫЛЬ О МУЖИКЕ

Может быть, нужда заела.
Суждено ли на веку.
Словом, шибко надоело
Жить на свете мужику.
Взял веревку, смазал мылом,
Чтобы сразу, чтоб душней.
В лес отправился он мимо
Огородов и плетней.
Невеселая дорожка.
А куда ни погляди:
Садят женщины картошку.
— Стоп, — сказал он, — погоди!
Возвернулся, взял лопату.
«Посажу хоть для детей».
От рассвета до заката
Он трудился много дней.
Все, что надо, что возможно,
Всю работу произвел,
Посадил мужик картошку,
Взял веревку и пошел.
Вот прошел уже деревню,
Вот спустился под откос.
Бабы, словно одурели, —
Всей деревней — на покос.
А повсюду: на дорогах,
На лугах стонала Русь...

«Покошу еще немного,
В лес пойду и задавлюсь».
И — пошел.
А в поле жницы.
И увидел он вдали
Золотой платок пшеницы
На клочке своей земли.
«Уберу хлеба и — точка».
Жнет пшеницу мужичок.
Жнет мужик, а душу точит
Неуемный червячок.
Выпал снег.
А на рассвете
Взял лопату и — за снег.
...Долго жил на белом свете
Этот русский человек.

СКАЗКА

На печи, как на салазках,
Ехал Ваня-дурачок.
И летела опояска
От пупа через плечо.
И шарахались сельчане,
Дико выпучив глаза.
А потом они ночами
Целовали образа.
Заходил Иван в палату
Ко великому царю:
— Я служу те не за плату,
А за совесть, говорю.
И умел он непритворно,
Мигом чудо сотворя,
Одурачивать придворных,
Околпачивать царя.
Царь грозил Ивану плахой.
Громко топал каблуком.
Ваня жил, свою рубаху
Подпоясав кушаком.
Эту царственную урость
Средь придворных и гостей
Он расценивал как дурость...
С точки зрения своей.

...Взвесив небыли и были,
Я скажу, всего скорей
Дураки в России были
Не дурней своих царей.

СМЕРТЬ ПАХАРЯ

Поля задумчиво тихи.
Упал старик в предсмертной муке,
Из рук не выпустив сохи, —
Поскольку верил в свои руки.
Щекой шершавой голова
Прижалась к трепетной осинке.
Вокруг него стоит трава,
Качая светлые росинки.
Он мог бы век еще пахать,
Пускай жилось ему не баско,
Но не хотелось умирать
Не на своей земле — на барской.
О, как он бережно копил,
И на божничку клал монету,
Но так земли и не купил,
Хотя б для этого момента.

* * *

В степи
Осенний вечер полыхает,
Сквозь облака
Сочится синева.
Я отдыхаю,
Просто отдыхаю.
И всем ветрам
Открыта голова.
Грибами пахнут
Реденькие колки,
И по траве
Снуют перепела.
А солнце —
Булка сдобная на полке,
Какую мама
К праздникам пекла.
И на болоте
Тараторят птицы.
И ржут протяжно
Лошади вдали.
И я живу,
Как малая частица,
Как малый нерв
Своей родной земли.
И мне, наверно,
Стало б очень странно,

Сейчас бы
И поверить я не смог,
Что в мире есть
Неведомые страны
Отчаянья,
Надежды
И Тревог.
В селе уже
Вот-вот закроют ставни,
Настанет время
Выпадать росе.
И звезды враз
Слетят на землю стаей
И станут рожь клевать
На полосе.

* * *

Л. Екимову

Когда впервые
Шел за плугом,
Свою судьбу
Благодаря,
Меня встречала,
Словно друга,
Сама — весенняя заря.
Потом я гордо
Нес усталость,
Нес бережно ее
Домой.
А сзади мерно
Колыхалась
Земля,
Распаханная мной.

* * *

Я — космонавт.
Моя орбита — пашня.
И мой корабль —
Мой трактор «Беларусь».
Я, весь степными ветрами
Пропахший,
Любую норму
Выполнить берусь.
Я приземлюсь,
Еще пройдя два круга,
А каждый круг —
Не меньше чем с версту.
Со своего «космического»
Друга
Пыль веником полынным
Обмету.
И, нахлебавшись
Щей горячих с перцем,
Прилягу у дороги
В ковыли,
В который раз
Почувствовав всем сердцем,
Всем телом
Притяжение земли.

ЕРМАКУ

Я вздыхаю негромко,
Просто мерно дышу.
Приведи меня, Омка,
Приведи к Иртышу.
Где сидел угловатый,
Расстегнувши армяк,
Крепкой думой объятый
Легендарный Ермак.
Рядом буря ревела,
Гром нещадно гремел,
Но святейшее дело
Он у сердца имел.
От нашествия ханства
(Он казак был — не трус),
От разбоя и хамства
Огораживал Русь.
И к далекому чуму,
Безнадежно спеша,
Мчались орды Кучума,
Колчанами шурша.
Он пришел не за тем ли,
Чтобы святостью уз
Закрепить эти земли
За Московскую Русь.
Чтоб вовеки и присно
Креп народ-богатырь.

Чтобы в слове «Отчизна»
Было слово «Сибирь».
Путь-дорожка легка мне:
Я иду к Иртышу,
Ермаковскому Камню
Поклониться спешу.

Я ЖИВУ НА ЗЕМЛЕ

Я живу на земле,
Чтобы землю пахать,
Чтобы травы косить
Петушиною ранью,
Чтоб в заснеженный вечер
О лете мечтать,
Чтобы помнить в июле
О белом буране.
Я живу на земле,
Чтобы землю сберечь
От напалмовых бомб,
От свинцового града.
Чтобы хлебы пекла
Наша русская печь,
Чтоб в подсолнухах цвел
Огород за оградой.
Я живу на земле,
Чтоб огни зажигать,
Приходить на свиданье
С охалкой сирени.
Я живу на земле,
Чтобы зло, как врага,
Перед правдой святой
Повергать на колени.
Я живу на земле,
Чтобы плакать и петь,

Задышаться от счастья
В земной круговерти.
Я живу на земле,
Чтоб потом умереть,
Глядя людям в глаза,
Не стыдясь своей смерти.

ОРАТАЙ

Орал оратай
Весной на пашне,
Пропахший мятой,
Землей пропахший.
Сломался лемех,
Задев о камень, —
Не может лемех
Служить веками.
А поле дышит
Тепло, как баня.
А лошадь дышло
Грызет зубами.
А новый месяц
Светло и строго
Воткнулся в землю,
Как лемех, рогом.
Оратай вскинул
Седую руку —
Снял с неба месяц,
Приладил к плугу.

...А старый лемех
Закинул в небо!

СОДЕРЖАНИЕ

Лесник	7
Председатель	8
Бороны, борона	11
Вдовы	13
«Было так в тяжелый год...»	15
«Печь-лежаночка гудела в нашей комнатке...»	17
Дом	18
«С братом мы зимой и летом...»	20
«Приходил деда, приходил утром...»	22
Зависть	23
Блины	24
Снегири	26
«Закрывают ставни. Вечереет...»	27
Березка	28
Подснежник	29
Весна	30
«Уже давно сошли снега...»	31
«Зерно к зерну — родится колос...»	32
«Деревня спит. Пустые дрожки...»	33
Петух	34
«Для счастья много надо ли...»	36
Утро	37
«Не траву кошу...»	38
«На печи грохочет чайник...»	40
Пришла беда	41
«Телега хворостом хрустела...»	42
«По степи гуляют сквозняки...»	43
«Ветки голые впросинь...»	44
«Ночью полю одиноко...»	45
Русские зори	46
«На каждой улице гармошки...»	47
На рыбалке	48
«Нас трясло, как в лихорадке...»	49
«Поеду, съезжу в лес...»	51

Любка	52
«В шайке плавают чернилка...»	54
Дед	55
Сторож	58
Иван Петров	60
Бог	62
Про Кирию	64
Памятник	65
«Не гордятся нынче нашим краем...»	66
Пора	68
Дедушка и внучка	69
Плетень	70
Быль о мужике	71
Сказка	73
Смерть пахаря	75
«В степи осенний вечер полыхает...»	76
«Когда впервые шел за плугом...»	78
«Я — космонавт...»	79
Ермаку	80
Я живу на земле	82
Оратай	84

Владимир Федорович
Балачан

ТЕПЛЫНЬ

стихотворения

Редактор А. И. Плитченко

Художник Д. А. Заруба.

Художественный редактор В. Л. Минко.

Технический редактор Е. М. Гостищева.

Корректоры Т. А. Абросимова, Ф. А. Гордеева.

Сдано в набор 10 июля 1969 г. Подписано к печати
10 октября 1969 г. Бум. тип. № 1. Формат 70×92¹/₃₂ 1,37
бум. л., 3,27 печ. л., 2,35 изд. л. МН 00438. Тираж 5000.

Западно-Сибирское книжное издательство, Новосибирск,
Красный проспект, 32. Заказ № 7396.

Типография издательства «Омская правда», г. Омск,
пр. К. Маркса, 39.

Цена 25 коп.

Цена 25 коп.